

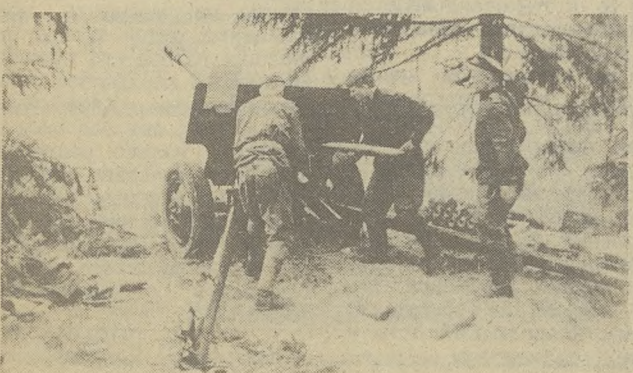
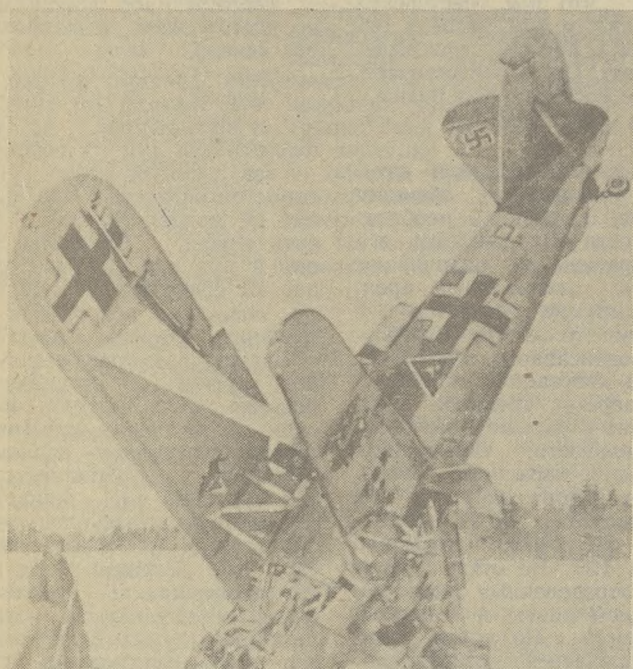
НАША ПОБЕДА

Холмы у памяти покаты, но пусть сгоревшие в огне —
Солдаты, мертвые солдаты — живут с живыми наравне

Дорогой читатель! Взгляни на эти снимки. Их сделал в самые трудные первые годы войны рядовой 178-й Краснознаменной Кулагинской стрелковой дивизии томич Виктор Алексеевич Кондратьев.

Бесконечно многообразен лик войны. Это и кровь, и тяжелые утраты, и невосполнимая горе. Это надежда на жизнь, вера в Победу и любовь к любимой Родине.

НЕ ПРЕРВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Накануне Дня Победы в обкоме ВЛКСМ прошла встреча ветеранов войны и труда. В ней приняли участие Герои Советского Союза Федор Леонтьевич Трофимов, Николай Яковлевич Дорохов, Геннадий Николаевич Воронин; Герои Социалистического Труда — бывшая работница ПО «Сибэлектромотор» Ольга Осиповна Никифорова, бывший директор завода режущих инструментов Лев Давыдович Будницкий, ветеран труда Сибирского химического комбината Владимир Иванович Федотов, а также бывший председатель областного совета ветеранов Ветеранов Михаил Иванович Бирюков, бывший председатель совета ветеранов г. Томска-7 Марк Петрович Зеленов, председатель областного совета ветеранов Геннадий Антонович Мисеев и ветеран труда Александр Григорьевич Конох.

Праздник Победы — праздник особенный... В этот день на лицах людей старшего поколения светятся слезы радости от сознания совершенного воинского и трудового подвига, от встречи с боевыми друзьями. Они смешиваются со слезами печали по погибшим и безвременно ушедшим фронтовикам и родственникам. Нет, наверное, ни одной советской семьи, которой бы не коснулся молох войны. В памяти людской день 9 Мая будет жить вечно...

И мы попросили ветеранов поделиться своими воспоминаниями об этом знаменательном для них событии.

О. О. Никифорова: — Был обыкновенный рабочий день, когда поступило известие, что война кончилась. Все начали обниматься, целоваться, а у кого похорошки были — плакать. Я лично плакала потому, что в блокадном Ленинграде умерли мои мама и брат. И в то же время всеобщая радость пересилила мое горе. Мы вышли на улицу, вся площадь революции была запружена народом. Это был самый радостный день в моей жизни.

В. И. Федотов: — Известие о Победе пришло на завод имени Фрунзе (г. Куйбышев), где я работал слесарем-сборщиком авиационных двигателей, ночью. Радости не было предела. Было и горе, конечно: у меня погибли братья. До сих пор, вспоминая этот день, я очень волнуюсь.

Ф. Л. Трофимов: — День Победы застал меня в Чехословакии, в городе Брно. Мы блокировали группировку немцев и эсэсовцев — 18 тысяч человек. Долго их не могли выкурить, в горах трудно воевать. И вдруг в четыре часа утра — оглушительная пальба: думали, что немцы опять пошли в ночную атаку. Оказалось, это наши солдаты и офицеры из всех видов оружия стреляют вверх, в воздух. Что случилось? В ответ крик: «Победа!». И мы от радости давай тоже стрелять в воздух. Откуда-то появилось гражданское население, которого до этого не было видно. Тапчут на улицах, обнимают и целуют наших бойцов, плачут. Эта картина до сих пор стоит перед моими глазами.

Н. Я. Дорохов: — Мы находились в Венгрии, наша часть направлялась на разгром эсэсовцев в Чехословакию. Шли мы через Австрию, и в этот момент нас настигло известие о Победе. Радость была неописуемая, но поставленную задачу не отменила даже Победа, и мы двинулись дальше. Вот так и получилось: где-то был мир, а здесь премели бои, в результате которых вражеская группировка была ликвидирована, но тяжелой ценой — солдаты гибли и после Победы.

Г. Н. Воронин: — Я участник штурма Берлина. После подписания второго мая немецкой капитуляции бои в городе стали стихать.

Наша часть находилась в боевой готовности, так как все могло произойти. И все равно известие о Победе оказалось для нас неожиданным. Всех охватило восторгом, люди кричали: «Ура! Победа!» — стреляли из личного оружия в воздух. Этот святой день я не забуду никогда.

Л. Д. Будницкий: — В три часа ночи мне позвонили, что война кончилась! У меня как будто гора свалилась с плеч. Я был в то время начальником производства ТЭР, а ответственность, как вы знаете, была в то время высочайшая. Вторым чувством была всеохватывающая печаль, так как прое из шести моих братьев погибли на фронте. А в третьих, меня охватила растерянность: что делать? Ведь завод полным ходом работает на войну, а она кончилась. Мы еще не знали, что вторая мировая война продолжается и войска уже идут на Дальний Восток. Мы с руководством завода пошли в цехи, рассказали о Победе, и на следу-

щие партийные и советские руководители в современных условиях растерялись, потеряли бойцовские качества. Многие из них просто опустили руки. Возьмем нынешнюю сессию областного Совета народных депутатов, 95 процентов депутатов вновь избраны. Они желают хорошо работать, энергично, но не имеют никакого опыта в политической деятельности. И это естественно. Бывает, что они вносят предложения, не соответствующие духу закона, без учета сложившейся обстановки в области. Но ведь вместе с ними в зале сидят опытные, компетентные товарищи, которые могли бы их поправить, но они молчат. Такая позиция к хорошему не приведет. Умолчание в такой неспокойной обстановке чревато серьезными последствиями. Если тебе есть что сказать, людям — говори смело, если нет — уйди с политической арены.

М. П. Зеленов: — Меня очень волнует, что наша молодежь мало знакома с историей страны. И в связи с этим делает скоропалительные выводы, идет за теми, у кого в ходу лишь громкая фраза и очернительство. Встречаясь с молодежью, нередко задаю вопрос: а знаете ли вы, например, границы Германии и Литвы, существовавшие в 1939 году? И, к сожалению, ни молодые люди, ни среднее поколение точного ответа не дают.

Ф. Л. Трофимов: — Наше поколение победило фашизм. После войны мы, голодные, холодные, в неимоверно трудных условиях восстанавливали разрушенное хозяйство. И науку же благодарности мы получили за это? В очередях нас оскорбляют: дескать, куда вы лезете, вы, дескать, не заслужили, так как неизвестно, что построили. Поражают бездуховность, бескультурье. Очень хочется надеяться, что отно-

роина, которую я всем сердцем поддерживаю, потому что у нас в работе с молодежью пропал такой важный элемент, как наставничество. Партийные организации отошли от этого, профсоюзам стало некогда. У нас на комбинате совет наставников практически разваливается, и никому до этого дела нет, а значит, и до молодежи. А ведь не секрет, что испокон века старшие поколения передавали свой опыт юным. Я считаю наставничество святым делом. Оно придумано не Брежневым, не другими нашими руководителями, а самой жизнью.

Л. Д. Будницкий: — Проблемы сегодняшнего дня волнуют многих пожилых людей. Мне кажется, сейчас обесценивается все то, что мы когда-то сделали. Думаю, это несправедливо. То, что было плохо, — плохо, но не надо забывать о том, что было много и хорошего. Надо, чтобы молодые люди гордились своей страной. Родина ведь ни в чем перед ними не виновата. И особенно меня беспокоит следующее: теоретики от экономики научно обосновывают необходимость безработицы для дальнейшего улучшения нашей жизни. Это непустое явление! Я сам прошел через биржу труда и не понаслышке знаю, что такое человек без работы. Нет ничего страшнее для человека, если он не может применить свои руки и знания. Это страшнее самой тяжелой болезни. Безработица унижает, растаптывает человека, ломает его психику.

Корр.: — Большое спасибо за то, что вы поделились своими воспоминаниями и мыслями. Разрешите пожелать вам и в вашем лице всем фронтовикам и труженикам тыла здоровья и долгих лет счастливой жизни.

В. ЭРВОЛЬДЕР.

НА СНИМКЕ: участники встречи. Слева направо: М. К. Зеленов, Г. Н. Воронин, Н. Я. Дорохов, В. М. Бирюков, Ф. Л. Трофимов, А. Г. Конох, В. И. Федотов, О. О. Никифорова. Фото А. ВАСИЛЬЕВА.

ФРОНТОВАЯ КОНТР-ПРОПАГАНДА

Во время Отечественной войны, будучи начальником связи батальона лыжной бригады, а затем командиром радиозвезда стрелкового полка, я выполнял одно временно обязанности переводчика, а затем инструктора по идеологической обработке противника.

Засветло проверил аппаратуру, а с наступлением темноты мы направлялись в один из батальонов, где я объявлял по-русски в микрофон: «Товарищи бойцы и офицеры! Начинает работу промкоговорящая установка для войск противника».

В нашем «репертуаре» были русские и немецкие народные песни (в исполнении хора военнопленных), арии из оперет. Основным рабочим материалом передач были листовки, некоторые из них были составлены руководителями немецкой компартии В. Пинком, О. Протеволом, немецкими писателями-антифашистами В. Брехтом, В. Бределем. Немало сведений давали немецкие газеты (особенно фронтовые), литература, предназначенная для идеологических работников вермахта, прежде всего секретная, с которой не решалось знакомить строевых командиров до фельдмаршала Гитлера.

Стержень каждой передачи был показ немецким солдатам, как продолжают обманывать, к чему это привело и приведет, почему поражение Германии неизбежно и т.д. Через 40 минут работы установку по инструкции нужно было выключать на 20 минут, чтобы не перегрелась аппаратура. Иногда включались немцы: «Переходите к нам. У нас наша с маслом, девочки хорошие...». В 23 часа мои радисты принимали сводку Информбюро. Я тут же передавал ее немцам.

Мне не только не запрещали, но и вменяли в обязанность читать, слушать по радио передачи союзников и т.д.

Я спрашивал пленных, слышавших на нашем участке: «Как слышно наши передачи?». Отвечали: «Очень отчетливо».

«Почему раньше не слышали в плен?». — «Боились встречи с первым солдатом. Он может застрелить. Мы знаем, что пленным дают солдатский паек. Но нужно дойти до штаба. Только там наша жизнь в безопасности».

С начала ноября 1943 года мы сидели в «мешке», в яме, в другом, — немцы. Они бросали листовки: «Мы — в колее, вы — в колее. Посмотрим, что будет в конце». Три раза на нашем участке (у горла «мешка») проводилась разведка боем силами до батальона с одной задачей — захватить языка. Результатом были только наши потери. Для следующей попытки, учитывая важность участия разведки и то, что после предыдущих попыток противники начеку, понадеялся бы полк или два.

Но слышали в плен два немца с нашими листовками, на которых написано: «Служит пропуском при сдаче в плен». Они все рассказали, и надобность в разведке отпала.

И. СУСЛОВ, ветеран Отечественной войны и труда.
НА СНИМКЕ: одна из листовок, которая сбрасывалась в тыл немцам.

Младший сержант Гусев устало присел на станину орудия, пилоткой вытер потное лицо, начал вертеть самокрутку. Вокруг разместились бойцы. Несколько часов назад был получен приказ выдвинуться на прямую наводку и ждать, когда немцы пустят в бой свои танки. Только что артиллеристы кончили тяжелую работу: вырыли глубокую и просторную ячейку для пушки и окопы для себя, замаскировали их. Дивизион стоял в засаде на танкоопасном направлении.

Из башки вылезли три танка противника. Когда они приблизились метров на 400, командир взвода сказал: — Ну, Гусев, работай пока один, чтобы не демаскировать остальных.

Три первых выстрела не дали попаданий. Младший сержант, внимательно следивший за работой своего наводчика, заметил ошибку, немедленно исправил ее, и следующий снаряд разбил гусеницу немецкого танка, который завертелся на месте. Выбрал момент, когда танк повернулся тыльной стороной к пушке, Гусев дал еще один выстрел. Остальные два танка открыли огонь, но пушка, находившаяся в окопе, оставалась неуязвимой.

Немцы пытались обойти орудие. Гусев заметил это, и как только один из танков повернулся к нему боком, он снова выстрелил. Этот танк тоже запылал, как спичечная коробка. Третья вражеская машина пустилась наутек. Буквально через несколько минут появилось уже 15 немецких танков. Вот тут-то и дали себя знать все пушки, находившиеся в засаде. Атака была отбита. Враг потерял в этой короткой схватке девять бронированных машин.

С июля 1942-го по 3 февраля 1943 года до полного разгрома немецких войск сражался под Сталинградом сибиряк Гавриил Гусев. Сколько боевых товарищей спелось на орудие боевого, сколько вместе с ним дойти до Берлина. И дошел. Но путь был тяжел и долг.

На Орловско-Курском дуге из старых товарищей вместе с командиром и своей пушкой прибыл лишь наводчик Володя Масютин. Основные бои здесь уже закончились, и вскоре прославленные артиллеристы двинулись дальше, изгоняя фашистов с родной земли. Они участвовали в освобождении Минска, Гомеля. Без малого месяц, подкалывая под колеса шинели и тело, расчистив путь, старший сержант Гусев тащил пушку через брянские леса и пыльные болота. Еще среди документов личного архива Г. И. Гусева и благодарности ему от Верховного Главнокомандующего за освобождение пограничного города Ковеля.

Еще в сталинградские дни и ночи Гавриил Гусев прославился как грозный истребитель танков. Эту славу он приумножил в августе-сентябре 1944 года при освобождении от фашистских полчищ братской Польши.

О его подвигах в далекую Сибирь пришло письмо:

«Здравствуйте, уважаемая Мария Евстигнеевна! Шлем вам горячий фронтальной привет с поздравлением вас с боевыми успехами нашего мужа Гусева Гавриила Ивановича, которым вы вправе гордиться как мужественным защитником, социалистической Родины...»

...Только за последнее время, работая командиром орудия, т. Гусев из своего орудия уничтожил в сложной боевой обстановке три немецких танка. Его боевые дела высоко оценивает командование. Грудь вашего мужа украшают правительственные награды: медали «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За отвагу», орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени, и представлен он к правительственной награде — ордену

лученный, наводчик Масютин. Гусев сам дослал в ствол орудия снаряд, при котором и по привывке снарядом. Рядом разорвалась мина. Жарко толкнуло в спину. После боя Гавриил Иванович считал в шинели и ватнике 42 мелкие пробоины, несколько кусочков металла выпали в спину.

Наседа запомнил Гавриил Иванович бой за небольшой польский городок Станислав. Наши войска ворвались в него накануне годовщины Великого Октября. Однако они здесь оказались, как в мешке. Над городком господствовала высота, которую занимали немцы. С минуты на минуту они могли открыть огонь из орудий, и тогда... Войска временно оставили город. Не захотел уходить только

танки врага, как расчеты Гусева и Чебыкина». Сообщалось и в сводке Совинформбюро: «Северо-восточнее Праги (предместие Варшавы на правом берегу реки Вислы) происходили ожесточенные бои. В ходе этих боев город Воломин несколько раз переходил из рук в руки. Сегодня наши войска вновь овладели этим городом, являющимся важным узлом обороны немцев. Уничтожено до батальона гитлеровцев. Орудийные расчеты, которыми командует старший сержант Гусев и рядовой Чебыкин, отражая атаку противника, сожгли 3 и подбили два немецких танка «тигр».

Его последний бой был в центре Берлина. Когда был получен приказ разбить штаб немецкой группировки, к командиру орудия пришел секретарь парторганизации дивизиона капитан Белого. Со второго этажа пятиэтажного здания они с Гусевым наблюдали в бинокли за домом, в подвале которого засело гитлеровское командование.

Четырехэтажное здание, охраняемое большим количеством минометчиков и автоматчиков, наполовину выдалось в улицу. До него было не больше двухсот-трехсот метров. Прямой наводкой его никто не мог взять, и на мостовую пушку не выкатили: засекли, выстрелить не успели. Своими неселыми размышлениями Гусев поделился с капитаном. Ему хотелось и приказ выполнить, и орудие сохранить.

Лишь под вечер к Гусеву пришло решение: орудие подкатили к дому, из которого старший сержант днем вел наблюдение. Когда совсем стемнело, он приказал приданному расчету пехотинцам сделать настил на второй этаж. Едва они закончили работу, Гусев командовал:

— На колес! Стволем вперед марш!

Бой начался на рассвете. Над гигантским городом грохотала канонада. Гусев как то все подтянулся, сжался, как пружина, строго посмотрел на товарищей и по привычке крикнул, стараясь переключить гуд боя: — Беглый огонь!

Снаряды один за другим полетели в цель. Фашистский штаб стал на глазах рушиться, окутывая густым дымом. А Гусев торопил: — Быстрей!

Прошло несколько минут. Старший сержант каким-то особым чутьем понял, что пора уходить, проговорил: — Отбой, ребята!

Он первым налег на орудие. Успели вовремя. Едва ушли орудие за угол соседнего дома, как на здание, в котором только что была огневая позиция, обрушился шквал минометного и артиллерийского огня, и оно начало разваливаться на части.

Дня через два расчет Гусева уже стрелял по рейкстагу. И в этот же майский день наш земляк расписался на его стенах.

П. БАРСАГАЕВ.

ОТ БЕРЛИНКИ ДО БЕРЛИНА

Однажды в г. Новосибирске я зашел в музей боевой славы при оружейном Дзене офицеров. Среди множества фотодокументов обратил внимание на небольшую фотографию война и подпись под ней: «Гвардии старший сержант Гусев Г. И. — бессменный командир знаменитого орудия № 4940...».

«Так ведь это наш Гавриил Иванович!» — чуть не воскликнул я. И действительно, мне приходилось часто встречаться на улицах Шегарки с этим крепким, кряжистым пожилым человеком.

А родом он был из села Берлинка и дошел до Берлина. К сожалению, Г. И. Гусев не дожил до 45-летия великой Победы. Он скончался 31 декабря 1989 года. И я просто не могу не рассказать об этом отважном человеке.

Боевого Красного Знамени. Тов. Гусев является нашей гордостью, а его боевые дела говорят о высоком качестве воина-коммуниста. Желаем вам, Мария Евстигнеевна, счастья и больших успехов на трудовом фронте.

По поручению командования и парторганизации старший лейтенант Г. Беленко. 2 сентября 1944 года.

Подлинник этого письма хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

На польской земле расчету Г. И. Гусева пришлось особенно тяжело. Здесь шли ожесточенные бои за каждый город. Советские войска хотели с ходу взять город Лодзь. Но натолкнулись на отчаянное сопротивление гитлеровцев.

Артиллеристы окаявались под минометным огнем. Едва успели сделать первые выстрелы, как немцы засекли орудие. Минны сыпались буквально на голову. От их разрывов погибали сразу четыре номера расчета. Отлетел в сторону ог-

хорошо зарывшийся в землю рядом с костелом расчет старшего сержанта Гусева, да не успели спуститься на купола костела 22 работница штаба дивизии.

Едва они выбрались оттуда, начался настоящий ад, в котором город буквально на глазах превращался в руины. Когда артиллерийский огонь закончился, его заменили немцы. На горстку советских бойцов и командиров двинулись сотни дивизии гитлеровцев. С криками они взошли на город. Впереди них шли артиллеристы. В полку и дивизионе считали их погибшими. Но выжил сибиряк. За подвиги он был награжден орденами Отечественной войны первой и второй степеней.

О расчете Г. И. Гусева писала фронтовая газета. Сохранилась вырезка под заголовком «Истреблять

фронте, воинское звание — старший лейтенант, танкист, 1918—1920 годов рождения. Ростом — высокий, светловолосый. У него были обожжены руки и лицо.

Мы совершили с ним побег из этого лагеря. До линии фронта добрался благополучно, но при самом ее переходе, около станции Морозовской Ростовской области, он наступил на мину и, подорвавшись на ней, погиб

на моих глазах. Я почему-то уверен, что он числится пропавшим без вести, и поэтому стараюсь так подробно описать его внешность. Надеюсь, что эту весточку прочитают Гриницы родственники. Пусть они напишут мне.

Мой адрес: 153004, г. Иваново, пл. Вокзальная, д. № 1, кв. 22. Семену Моисеевичу Жердецкому.

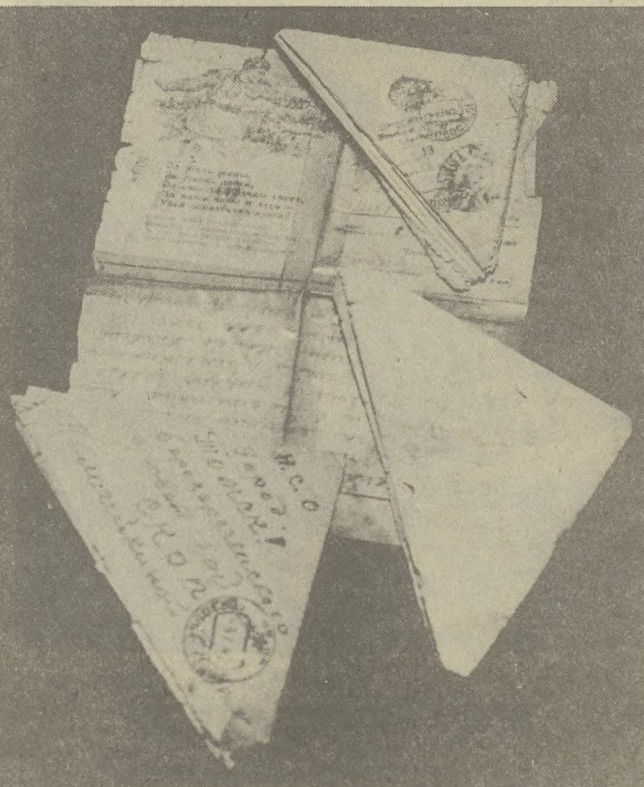
Все дальше уходят в историю ужасы и горе прошедшей войны. И тем ценнее для нас любой документ тех лет, особенно письма погибших на фронте солдат. Каждая строчка в них — голос человека, который своей жизнью заплатил за свободу нашей Родины.

Простой солдат Мака Павликов Пелагеевич пал смертью храбрых. Но до этого послал несколько писем своей семье в Томский район, сельсовет Березово-Черный, на занемку Скоп.

Долгие годы они, как святыня, хранились в семье его дочери Т. М. Зайцевой, живущей ныне в Томске. Перед Днем Победы она принесла семейные реликвии в редакцию. Карандашные строчки оказались почти стертыми, и прочитать их без специальной аппаратуры оказалось невозможно. Редакция обратилась за помощью в УКГБ, и Ю. А. Бычков и А. В. Воинин выполнили нашу просьбу.

«Здоровья вам желаю. Затем сообщаю, что я был в частях, но вернулся назад ввиду того, что наша часть, в которую я попал, переехала в другое место, но неизвестно куда. Так что от меня письма сейчас будут получать редко ввиду того, что попадем в полевое движение, то некуда сдать письмо ввиду того, что от фронта все почтовые учреждения уезжают. Сейчас я в дороге нахожусь. Сколько проеду, не знаю. Все хорошо XX (так в тексте). Шлю я вам всем сердечный привет: Лене, Ва-

ПОСЛЕДНИЕ ВЕСТОЧКИ С ФРОНТА

и поцелуй. Будь пока здоров. Дети, слушайте мать, может, и я скоро предую. Должен покоячить скоро бой-то».

«1942 г. октября 24. Доброго здоровья и хороших успехов, мои дорогие дети и жена! Во-первых, хочу я вам сообщить о том, что я пока жив и здоров, чего и вам желаю. Затем еще сообщаю, что меня из госпиталя выписали 24 октября, но не знаю, куда сейчас направят. Письма я от вас так и не мог дождаться получить. Очень скучаю, и досадно, что нет от вас никакого известия. Мне очень жалко, что не знаю про вас, как живете.

Затем пишу пока нечего. Живу хорошо. Затем шлю я вам свой сердечный привет и с любовью низкий поклон Лене, Вале, Тане, Юре и дорогой жене, а также и привет Зайкину, Сорокину, Санникову, Эску, банщице и Ивановой Вале, Хобор и другим, кто есть там знакомые.

Затем до свидания. Остаюсь, любя вас, Пелагеевич. Письма не пишите. Я был в Ольховке, в Сталинградской области. Если где буду, то скоро сообщу. Писал...»

любящий вас М. П. Затем забыл о тебе, дорогая жена, но, как что нужно, обязательно шлю я тебе свой горячий и любовный привет

ПИСЬМА К МАТЕРИ

Еще недавно, мы помним, наша любовь, к парадности, показухе, была столь безмерна, что сказывалась на отношении к военной опасности. «Малая земля», помпезные киноопеи, генеральские места в президиумах. Но вот наконец заговорили о создании всеобщей Книги памяти, в которую надо бы вписать имена всех фронтовиков — солдат и маршалов, погибших и выживших. Среди них ведь нет героев Советского Союза — героев подвиги

и в разделе, посвященном томским воинам, рядом с именами Ивана Черных, Александра Лебедева и Николая Валиева, Ильи Шукина, появились, например, имя томича Владимира Иткумова. Он погиб под Ленинградом, когда ему не было и двадцати. Он ничем не отличался от других — общался для тех лет библиография: учился в третьей томской школе, получил воинскую специальность, ушел на фронт и — «пал смертью храбрых», как писали в похоронках. Его судьба тем и интересна, что она типична для людей того, предвоенного, поколения. Каким оно было, о чем думало, что чувствовало?

Володя Иткумов родился в 23-м году. Окончил 7 классов, поступил в Томский аэроклуб и одновременно учился в школе рабочей молодежи. В марте 42-го он, выпускник авиационного училища, пригласился снавать практику летного дела. Но летать оказалось не на чем, самолетов не хватало. И тогда его направили на переподготовку в Томское артиллерийское училище. Откуда в звании лейтенанта он и ушел на фронт.

Сохранилось несколько писем Иткумова родителям. Те пожелательны треугольные, мало что свидетельству-

ют о фронтовых событиях (военная цензура свое дело знала), зато дают хорошее представление о личности писавшего. Вот эти письма в небольшом сокращении.

18 августа 1941 г. «Здравствуй, мама! В Тайге ждем поезда. Утром будем продолжать поездку. Самочувствие хорошее. Передавай привет всем ребятам».

18 сентября 1941 г. «Ваше письмо получил, за которое очень рад. Обязательно пришли с себя фотонаблюдку. Зачислили в эскадрилью, начинаем заниматься. Пока живем в палатках. Но ничего, нужно ко всему привыкнуть. До свидания, мама, будь спокойна. Увидимся. Берегите свое здоровье. Привет всем родным и знакомым».

25 ноября 1942 г. «Здравствуйте, дорогие родители! Сейчас нахожусь в Свердловске. На станциях стояли ночью, а днем все время ехали. Самочувствие отличное. Прощу вас, берегите свое здоровье. Привет вам от моего друга Геры».

27 ноября 1942 г. «Сейчас остановились в Перми. В Свердловске сделал вам перевод. Получите деньги, не берегите, поддерживайте свое здоровье. Дорогие родители, прошу вас, сильно не расстраивайтесь. Пока до свидания. Целую. Ваш сын Владимир».

2 декабря 1942 г. «Пишу из Ярославля. Едем уже тринадцатые сутки. За последнее время стал ощущать о доме. Не знаю, получили ли нет мой открытки и телеграммы. Привет знакомым, а также дедам и ребятам. Целую вас крепко».

10 декабря 1942 г. «Наконец я доехал до места назначения. Ехали 20 суток. Но это еще не все. Отсюда нас будут расформировывать по частям и — на фронт. Остаюсь жив и здоров. Ваш сын Владимир».

12 декабря 1942 г. «Дорогие родители! Пишу из Тихвина, где остановился на сутки. Еду в часть. Видел следы зверства и разрушения озверелой банды, но ничего, они нам за все это крепко поплатятся... Дорогие мама и отец, берегите свое здоровье, особенно сейчас, зимой. Поздравляю вас всех с Новым годом. Выпейте за меня лишнюю чарочку. Целую».

26 декабря 1942 г. «Привет с фронта. Жду с нетерпением от вас писем, а их все еще нет. Сейчас крепко бьем фрица, так что скоро ему капут. Особенно здорово его «подкалывали» с Новым годом. Недавно ему так послали гостинцев, что он ими подавился. Долго фашисты будут помнить новогоднюю ночь. Недавно подписали на заем для укрепления нашей Красной Армии. Остаюсь жив и здоров. Крепко целую. Ваш сын Владимир».

20 января 1943 г. «Почему-то от вас так долго нет писем. Я уже начинаю думать, не случилось ли с вами что-нибудь. Начались горячие дни. Немцы отступают с большими потерями. Я жив и здоров, Владимир».

25 января 1943 г. «Привет с фронта! Наконец-то я получил от вас открытку. Если бы знали, какую она принесла мне радость. Это просто не описать. Эта ваша открытка для меня большая награда. Теперь я спокоен и счастлив, зная, что связь между нами восстановлена, а главное, что вы живы и здоровы. Живу по-прежнему. На здоровье не жалуюсь. Самочувствие прекрасное, так что будьте уверены — калечим фашистов, в полном смысле слова налечим, по-гвардейски. Пишите письма чаще, крепко целую. Ваш сын Владимир».

28 января 1943 г. «Мама, я на вас выписал денежный аттестат, и вы должны

их получить с января 1943 года. Если вы их еще не получили, то узнайте об этом в военкомате. Мама, пишите, как ваше здоровье и отца. Привет родным и знакомым. Крепко целую».

12 февраля 1943 г. «Привет с фронта! Здравствуйте, дорогие родители! Ваше письмо получил, за что сердечно благодарен. Недавно послал вам письмо с фотографией. Немного о себе. Говню фрицев на Западном фронте, обрушиваем на их головы тонны металла. Не удерживать им больше на нашей родной земле. Простите, что неважно пишу, приходится писать почти на ходу под открытым небом. Если от меня будут письма идти дольше, чем было раньше, то не волнуйтесь, нахожусь все время в дороге. В каких бы условиях ни находился, буду писать чаще. Ну, пока до свидания. Будьте спокойны. Остаюсь жив и здоров. Ваш сын Владимир».

Через семь дней он погиб в бою.

«Вам тяжело будет читать это письмо, — сообщал боевые друзья Володи его родители, — но вы должны найти в себе силы перенести эту тяжесть постигнутого горя. Трудно матери, воспитавшей сына, мириться с тем, что его нет. Вместе с вами мы скорбим о том. Иткумов Владимир Гаврилович и разделил ваше горе. Ваш сын Владимир был замечательным человеком нашей Родины, он любил ее и всей душой ненавидел трижды проклятых варваров-немецков. Володя пал смертью храбрых. Мы, его товарищи, всегда будем помнить и хранить в сердце образ Владимира Гавриловича. Мы мстим за него. Му-жайтесь...»

Б. БЕЛЕВСКИЙ, доцент университета.

ЭХО ВОЙНЫ

Обильна наша почта материнскими о Великой Отечественной войне перед праздником Победы. Это и воспоминания ветеранов о своих фронтовых буднях, о подвигах друзей, и просьбы оказать помощь в розыске без вести пропавших. Но иногда приходят письма, в которых эхо войны чувствуется наиболее сильно.

Прошло много лет с тех пор, как окончилась война,

Но до сих пор меня мучает память об одном эпизоде, который произошел со мной в те годы. Я попал сначала в окружение на Юго-Западном фронте, а потом и в плен. Содержался в лагере под городом Россос. Вокруг нежской области. Вместе со мной там был и ваш земляк Григорий Шипкин из г. Томска. Подробности о нем я знаю немного. Воевал он на Воронежском

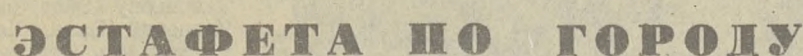
фронте, воинское звание — старший лейтенант, танкист, 1918—1920 годов рождения. Ростом — высокий, светловолосый. У него были обожжены руки и лицо.

Мы совершили с ним побег из этого лагеря. До линии фронта добрался благополучно, но при самом ее переходе, около станции Морозовской Ростовской области, он наступил на мину и, подорвавшись на ней, погиб

на моих глазах. Я почему-то уверен, что он числится пропавшим без вести, и поэтому стараюсь так подробно описать его внешность. Надеюсь, что эту весточку прочитают Гриницы родственники. Пусть они напишут мне.

Мой адрес: 153004, г. Иваново, пл. Вокзальная, д. № 1, кв. 22. Семену Моисеевичу Жердецкому.

А. ПЕТРОВ.
Фото автора.

Выходит 300 раз в году.
Заказ № 10
Тираж 199008